

— Уоррен протянул руку. — Привет, сэр. Угадай кто.

— Ага. Уоррен. Байрон смеётся совсем иначе. И рыжие волосы, точно.

— Вы угадали, сэр.

— Рости Трейнор говорил мне, что ты служишь на «Монагане». А что поделывает Байрон?

После недолгой паузы Рода оживлённо заговорила:

— О, Байрон — наш романтический мечтатель, Кип. Изучает искусство в Италии. Тебе бы и Медлин повидать! Все уже взрослые.

Бросив: «Простите, я вас ненадолго оставлю, сэр», — Уоррен вышел.

— Искусство! Италия!

На худом, красивом лице Толивера взметнулась тёмная бровь, ярко-синие глаза широко раскрылись.

— Ого, это звучит весьма романтично. Послушай, Паг, с каких это пор ты пьёшь?

Взяв бокал с мартини и заметив, что Генри наливает себе ещё, поинтересовался Толивер:

— Да брось, Кип, я начал пить ещё в Маниле. И порядочно.

— Серьёзно? Забыл. Помню только, что в академии ты был главным противником выпивки. Даже не курил.

— Ну, я завязал с этим давным-давно.

Виктор Генри начал пить и курить после смерти своего младенца-дочери, постепенно втянувшись, и давно уже выбросил из головы суровые наставления отца-методиста, требовавшего полного воздержания. Эту тему он обсуждать не любил.

Толивер слегка улыбнулся и сказал:

— И в воскресенье играл в карты?

— Нет. Эту глупую привычку я ещё не бросил.

— Не называй это глупой привычкой, Паг.

Коммодор Толивер заговорил о своей службе в качестве военного атташе в Берлине. Начал он с того, что:

— Тебе понравится в Германии, Рода тоже будет в восторге. Ты будешь просто глупцом, если упустить такую возможность.

Устроившись поудобнее, опершись локтями на подлокотники и элегантно закинув ногу на ногу, он говорил всё так же увлекательно и красноречиво. По сей день он оставался одним из самых красивых выпускников курса Пага, но и самым несчастным. Спустя два года после окончания военно-морской академии он попал в аварию во время флотских учений. Будучи вахтенным офицером на эсминце глухой ночной порой в разгар шторма, он столкнулся с подводной лодкой, которая всплыла прямо перед ним ярдах в ста без предупреждения. Вины его в этом не было, никто не пострадал, и военно-полевой суд ограничился лишь выговором. Однако этот выговор перекрыл ему путь к повышению и сломал карьеру. Разговаривая, он прикладывался к бокалу и минут за пятнадцать осушил две порции мартини.

Позже, когда Виктор Генри расспросил его о нацистах и о том, как с ними иметь дело, Кип Толивер вдруг выпрямился, вытянул согнутые до этого пальцы, и голос его стал твёрдым. Национал-социалистическая партия пришла к власти, говорил он, точно так же, как в Америке к власти приходят демократы, сменяя республиканцев. На это можно посмотреть и с другой стороны. Немцы обожают Америку и отчаянно ищут нашей дружбы. Стоит лишь Пагу относиться к ним по-человечески, как перед ним откроются любые двери, а информация польётся рекой. Статьи в прессе о новой Германии искажают факты. Когда Паг поближе сойдётся с тамошней братией журналистов, он поймет почему — большинство из них озлобленные леваки и алкаши.

— Гитлер — чертовски потрясающий мужик, — заявил Толивер, снова опуская локоть на подлокотник, подперев чистым, гладко выбритым подбородком ладонь, а вторую руку небрежно свесив вниз, при этом лицо его сияло. — Я вовсе не утверждаю, что он, или Геринг, или кто-то из их шайки не способен прирезать собственную бабушку ради приумножения своей власти или интересов Германии. Но такова уж политика современной Европы. Мы, американцы, до смешного наивны. Советский Союз — вот та гигантская реальность, с которой приходится считаться Европе, Паг. Эти славянские варвары баламутят воду на Востоке. Нам трудно понять подобные настроения, но для них это краеугольный камень политики. Коминтерн занимается вовсе не игрой в маджонг, знаешь ли, эти большевики вот-вот подмнут под себя Европу — обманом ли, силой ли, или тем и другим разом. Но Гитлер не позволяет им этого сделать. В этом суть проблемы. Немцы ведут политику иначе, чем мы — взять хотя бы их методы расправы с евреями, — но это лишь переходный этап, к тому же нас с тобой это не касается. Запомни это. Твоя задача — сбор военной информации. Ты можешь выудить у этих людей уйму сведений. Они невероятно гордятся своими достижениями и любят похвастаться, я имею в виду, что они выдадут тебе подлинную информацию.

Пока Паг снова смешивал мартини, Рода задала несколько вопросов о евреях. Толивер безапелляционно заявил ей, что сообщения в газетах сильно преувеличены. Худшее, что случилось — это так называемая хрустальная ночь, когда какие-то нацистские громилы крушили витрины универмагов и поджигали несколько синагог. Да и то евреи сами напросились, первыми убив сотрудника немецкого посольства в Париже. Толивер добавил, что он сам, как сотрудник посольства, смотрит на это происшествие философски. В тот день они с женой как раз сидели в театре, а возвращаясь домой, увидели на Курфюрстендамм немало битого стекла и пару далёких заревов. Однако, судя по репортажам журнала Тайм, казалось, будто полыхает вся Германия, а евреев поголовно истребляют. Многие новостные заметки противоречили друг другу, но, насколько ему было известно, на улице никто по-настоящему не пострадал. В качестве компенсации за гибель того посольского работника на них наложили огромный штраф — миллиард марок или около того. Гитлер верил в лечение шоковой терапией.

— Что же касается решения президента отозвать нашего посла, то я считаю его излишним жестом, абсолютно излишним, — продолжал Толивер. — Это лишь ухудшит положение евреев и парализует работу нашего посольства. Здесь, в Вашингтоне, напрочь отсутствует здравый смысл в отношении Германии.

Этот воин, еще недавно сидевший по струнке, после ещё двух порций мартини ссутулился, стал разговорчив и принялся взахлёб рассуждать о закулисной жизни флота, вспоминая светские приёмы, каждые выходные, охотничьи поездки и тому подобное. Он вспоминал, как после митинга национал-социалистов пил всю ночь напролёт с офицерами Люфтваффе, а к рассвету все похмелялись картофельным супом; как завёл дружбу со знаменитыми актёрами и политиками. Он ухмылялся: если не делать глупых ходов, должность военного атташе — это сплошное удовольствие и роскошная жизнь. К тому же крутиться во всём этом и есть твоя прямая обязанность ради сбора разведданных. Работа просто мечты. Раз уж человек поступил на военный флот, он имеет право взять от него по максимуму! Он сидит в первом ряду и наблюдает за творением истории, получая от этого величайшее наслаждение.

— Поверь мне, Паг, тебе понравится эта работа. Сейчас это самый увлекательный пост в Европе. Среди нацистов попадают самые разные люди. Есть очень толковые, но скажу тебе по секрету, встречаются и довольно вульгарные. Кадровые военные смотрят на них свысока. Но чёрт побери, что мы думаем о собственных политиках? Гитлер сейчас держит всю власть в своих руках, в этом нет никаких сомнений. Он действительно великая фигура, клянусь тебе. Так что не поднимай эту тему, и твоя жизнь будет прекрасна, потому что гостеприимнее немцев не сыскать во всём свете. В каком-то смысле они очень похожи на нас, понимаешь, гораздо больше похожи, чем французы или даже англичане. Встретив американского морского офицера, они готовы вывернуть душу наизнанку.

Он посмотрел на Пага, потом на Роду, и на его лице появилась странная улыбка — грустноватая и чуть растерянная.

— Особенно если это такой человек, как ты. Не успеешь ты туда добраться, как они уже будут знать о тебе абсолютно всё. Быть может, я задаю слишком прямой вопрос — если так, поправь меня, — но как это тебя, человека, помешанного на пушках и снарядах, вдруг угораздило связаться в такое дело?

— Меня подвела моя длинная шея, — с досадой отозвался Паг. — Сам знаешь, когда я служил в артиллерийско-техническом управлении, я занимался магнитными взрывателями для торпед...

— Чёрт побери, конечно, знаю. Тебе ведь даже объявили благодарность?

— Ну а после я продолжал следить за развитием торпедного вооружения. В мои обязанности в отделе оперативного планирования входило отслеживать последние данные по оружию и снаряжению. Японцы создают весьма мощные торпеды, Кип. Однажды вечером я достал свою старую логарифмическую линейку, произвёл расчеты и понял, что оснащение наших кораблей безнадежно отстало от требований безопасности. Я написал рапорт с предложением установить или усилить противоторпедные переборки на кораблях классов Мэриленд и Нью-Мексико. Сегодня начальник военно-морских операций вызвал меня к себе в кабинет. Мой рапорт оказался горячей картошкой. Бюро судов и Артиллерийско-техническое управление принялись перекладывать вину друг на друга, меморандумы полетели во все стороны, а переборки всё-таки решили ставить или утолщать...

— В результате, чтоб тебя, Паг, ты снова заработал благодарность. Отлично сработано!

Яркие голубые глаза Толивера вспыхнули, он облизал губы.

— Я заработал предписание отправиться в Берлин, — произнес Виктор Генри, — если только не найду веских причин отказаться от этого приказа. Начальник военно-морских операций заявил, что в Белом доме считают эту должность крайне важной в данный момент.

— Верно, Паг, абсолютно верно.

— Ну, возможно и так, только у любой медали две стороны, Кип. Ты мастак проворачивать такие дела. А я нет. Я специалист по технической части. Я не из их круга. Наверху понадобился подходящий человек, я подвернулся под руку и угодил в переплет, вот и всё. К тому же я случайно знаю немецкий. Теперь я заложник ситуации.

Толивер взглянул на часы.

— Что ж, не упускай этот шанс. Это совет тебе от старого друга. Гитлер — фигура колоссальной важности, в Европе называют серьезные события. Мне пора в посольство.

Виктор Генри проводил его до самого выхода, к припаркованному новому серому Мерседесу. Шел Толивер слегка покачиваясь, но говорил четко и уверенно.

— Паг, если решишь ехать — позвони мне. Я выпишу тебе блокнот с номерами телефонов, с кем стоит пообщаться. Честно говоря...

На его лице мелькнула горькая усмешка.

— Нет, телефоны женщин тебе давать не стоит, верно? Что ж, я всегда искренне восхищался твоим характером.

Он хлопнул Генри по плечу.

— Черт побери, как же я рассчитываю на этот приём! С тех пор как уехал из Берлина, я во рту не держал нормального бокала мозельского.

Вернувшись в дом, Виктор Генри чуть не споткнулся о чемодан и шляпную коробку. Возле зеркала в прихожей стояла его дочь в зелёном шерстяном свитере и примеряла идеально подогнанную шляпку. Рода наблюдала за сборами дочери, а рядом ждал Уоррен со старой дорожной сумкой из свиной кожи и бушлатом, перекинутым через плечо.

— В чём дело, Медлин? Куда это ты собралась?

Она улыбнулась ему, широко распахнув свои карие глаза.

— Разве мама тебе не говорила? Уоррен берет меня с собой в Нью-Йорк.

Паг сурово взглянул на Роду, и та произнесла:

— Разве здесь есть что-то плохое, дорогой? Уоррен достал лишние билеты в театр. Она любит спектакли, а в Вашингтоне их дают редко.

— А как же учеба? Разве уже начались пасхальные каникулы?

Дочь ответила:

— Я к занятиям готова. Всего на два дня, экзаменов в эти дни не будет.

— И где вы собираетесь останавливаться?

Уоррен вмешался:

— В женской гостинице Барбизон.

— Мне это не нравится, — сказал Виктор Генри.

Медлин умоляюще посмотрела на отца — от такого взгляда даже у каменного человека дрогнуло бы сердце. Ей было девятнадцать, невысокая, стройная, лицом она очень напоминала

Роду, но глубокие карие глаза и решительное выражение придавали ей поразительное сходство с отцом. Она попыталась забавно сморщить носик. Раньше этот жест всегда заставлял его улыбнуться и уступить. Но на этот раз его лицо осталось непроницаемым. Медлин бросила взгляд на мать, потом на брата Уоррена, ища поддержки, но оба хранили каменное молчание. Губы Медлин тронула капризная улыбка — такой женственный приём порой оказывается сильнее любых капризов и споров. Она сняла шляпку.

— Ладно! Проехали. Уоррен, надеюсь, ты пристроишь лишние билеты. Когда ужин?

— С минуты на минуту, — ответила Рода.

Уоррен надел бушлат и подхватил сумку.

— Кстати, пап, я забыл спросить: я ведь упоминал, что месяца два назад наш старпом предлагал мне пройти летную подготовку? Я подал рапорт, правда, просто ради интереса. Так вот, сегодня я столкнулся с Четтом в бюро личного состава флота. Похоже, у нас обоих есть шансы на зачисление.

— Летная подготовка? — Рода выглядела крайне расстроенной. — Ты хочешь сказать, что станешь палубным летчиком? И все решил сам? Даже не посоветовавшись с отцом?

— Брось, мам, это просто отличный способ получить квалификацию. Считаю, это разумно, как думаешь, пап?

Коммандер Генри ответил:

— Безусловно. Будущее флота наверняка за этими парнями в коричневых ботинках.

— Уж не знаю насчет этого, но в Пенсаколе должно быть весело, лишь бы не облажаться в первую же неделю. Вернусь в пятницу. Извини, Медлин.

Она бросила:

— Спасибо за заботу. Желаю хорошо провести время.

Чмокнув мать в щеку, он вышел.

Паг Генри с каменным лицом, молча и рассеянно ел французский крем-суп, лондонскую жареную курицу и пирог с брусникой. Фанатичное увлечение Кипа Толивера этой мелкой шпионской работой лишь усиливало раздражение Генри. Вечные попытки Медлин прогулять учебу выводили его из себя. Но хуже всего было это брошенное вскользь известие от Уоррена. Паг испытывал одновременно и гордость, и страх. Быть летчиком на авианосце — самая

опасная служба во всем флоте, хотя даже офицеры его возраста подавали рапорты в Пенсаколу, надеясь попасть на авианосцы. Будучи преданным флотским офицером, Генри за едой размышлял: правильно ли поступил Уоррен и не подать ли ему самому рапорт на летную подготовку, чтобы под благовидным (пусть и безжалостным) предлогом избежать командировки в Берлин.

Медлин сохраняла беззаботное выражение лица и щебетала с матерью о студенческом радио Университета Джорджа Вашингтона — своем главном увлечении. Пожилой ирландский слуга, в теплые дни помогавший и в саду, неслышно ступал по столовой, освещенной свечами и обставленной антиквариатом из личных вещей Роды. Рода тоже вносила свою лепту в семейный бюджет, благодаря чему они могли поддерживать привычный образ жизни в Вашингтоне и вращаться в кругу старых друзей. Виктор Генри кипел от злости, но высказать всё не мог. Жалованья командера едва хватало, а Рода привыкла жить на широкую ногу.

Медлин поцеловала отца в лоб и покинула столовую первой. За десертом царило мрачное молчание, нарушаемое лишь тихими шагами старого слуги. Рода молча ждала, пока муж немного остынет. Наконец он откашлялся и предложил перебраться на веранду попить кофе с бренди, на что она радостно отозвалась:

— С удовольствием, пойдём, Паг.

Слуга выставил на веранду серебряный чайный сервиз и включил мерцающие красные огоньки в фальшкамине. Она терпеливо ждала, пока муж устроится в любимом кресле и начнет не спеша потягивать кофе с бренди. Тогда она произнесла:

— Знаешь, от Байрона пришло письмо.

— Что? Он вспомнил, что мы еще живы? Как его здоровье?

От него не было вестей уже несколько месяцев. Генри часто снились кошмары: то Байрон погибает в Италии, сгорев влетевшей в кювет машине, то умирает при других обстоятельствах или получает тяжелое увечье. Получив последнее письмо, он больше не заводил разговор о сыне.

— Здоровье отменное. Сейчас он в Сиене. Во Флоренции больше не учится, говорит, что искусство ему наскучило.

— Ни капли не удивлен. Сиена. Это же все еще Италия, верно?

— Да, недалеко от Флоренции. В Тосканских горах. Он всё это время ошивался в Тоскане. Кажется, он увлекся какой-то девушкой.

— Девушкой, м? И что за девушка? Итальянка?

— О нет. Девушка из Нью-Йорка. Натали Джестро. Говорит, ее дядя — знаменитость.

— Вот как. И кто же ее дядя?

— Писатель. Он живет в Сиене, зовут доктор Эллен Джестро. Брани говорит, он преподавал историю в Йельском университете.

— Где письмо?

— На столике у телефона.

Через пару минут он вернулся, держа в руках письмо и толстую книгу в черной обложке с белым крестом и синей шестиконечной звездой.

— Это написал ее дядя.

— О, занятно. Иисус глазами еврея. Эту книгу прислали из какого-то книжного клуба. Читал?

— Дважды. Написано великолепно.

Генри при свете желтой лампы принялся перелистывать письмо сына.

— М-да. События развиваются стремительно.

— Похоже, она очень милая, — заметила Рода. — Хотя у него бывало и раньше — вспышка на девять дней.

Коммандер Генри небрежно бросил письмо на журнальный столик и снова налил себе бренди.

— Почитаю на досуге. Раньше он никогда не писал таких длинных писем. Есть в нем что-то важное?

— Он хочет остаться в Италии.

— Серьезно? И на что он собирается жить?

— Будет помогать доктору Джестро с какими-то исследованиями. Девочка тоже там работает. Он считает, что его собственных заработков в сочетании с грошами из траста моей матери вполне хватит.

— Неужели? — Генри пристально посмотрел на нее. — Чтобы сам Байрон Генри заговорил о самообеспечении — это величайшая новость со дня его рождения.

Допив кофе с бренди, он поднялся, с глухим стуком опустил ладонь на стол и подобрал письмо.

— Не злись, Паг. Байрон — парень своеобразный, но у него есть голова на плечах.

— У меня еще есть дела.

Генри уединился в своем кабинете, закурил сигару и еще раз внимательно перечитал письмо Байрона. Кабинет этот был переоборудован из комнаты горничной. Внизу имелась прекрасная гостиная с панорамными окнами и видом на сад. По идее, она принадлежала ему. Но комната была настолько уютной, что Рода частенько принимала там гостей, и если муж оставлял внутри хоть какие-то бумаги или книги, она пилила его без конца.

<http://bllate.org/book/24353/2836521>